
ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМАХ ПРАВА

LEGAL EXPERIENCE OF CRIME COUNTERACTION IN FOREIGN AND NATIONAL LEGAL SYSTEMS

УДК 341.1; 34.05

DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(2).394-403

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА, УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО МЭНЦЗЯНА

П.Н. Дудин

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

19 октября 2014 г.

Дата принятия в печать

20 мая 2015 г.

Дата онлайн-размещения

30 июня 2015 г.

Ключевые слова

Внутренняя Монголия; Мэнцзян;
японская оккупация; правовая
система; уголовная политика;
уголовное законодательство;
Уголовно-процессуальный кодекс

Аннотация. В статье рассматривается уголовная политика, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство государства Мэнцзян, созданного японскими оккупационными силами и претендовавшего в середине 1930–1940-х гг. на роль лидера в монгольском мире. Дается общая характеристика права Китая в начале XX в., находившегося в процессе рецепции по отношению к европейскому и японскому праву, и описывается его уголовное законодательство. Выявляется объективная закономерность значительной идентичности основного нормативного материала оккупированных территорий нормативному материалу Китайской Республики, прежде всего уголовного и уголовно-процессуального права. Раскрывается содержание государственной политики в области нормотворчества и характеризуются основные отрасли права Мэнцзяна, включая уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право. Предпринята попытка дать объяснение тому, что ни оккупационным силам японской армии, ни самим властям Мэнцзяна в итоге так и не удалось создать полноценную правовую систему. Исследуется природа нормативных правовых актов, действовавших после японского вторжения. Особое внимание уделяется обновленному уголовно-процессуальному кодексу, принятому в 1940 г. и ставшему тем инструментом, с помощью которого оккупационный режим осуществлял контроль над территорией, а также гражданами, угрожая их правам и интересам в случае проявления нелояльности к новой власти. Раскрываются структура и содержание УПК Мэнцзяна, его особенности и отличительные черты по сравнению с китайским аналогом. Отмечается, что в целом УПК носил карательный характер, содержал ряд устаревших положений, исходил из принципа презумпции вины и был отменен в 1945 г. после ликвидации Мэнцзяна войсками СССР и МНР.

CRIMINAL POLICY, CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF MENGJIANG

Dudin, Pavel N.

Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

Article info

Received

2014 October 19

Accepted

2015 May 20

Available online

2015 June 30

Abstract. The article deals with the criminal policy, criminal and criminal procedural legislation of Mengjiang that was established by the Japanese occupation forces which in the middle of the 1930s — 1940s claimed to leadership in the world of Mongolian people. The article provides an overview of the Chinese law at the beginning of the twentieth century. The objective regularity of core identity of the occupied territories' normative material to the ones of the Republic of China is revealed. The content of the state policy in the field of law-making is disclosed and major industry rights of Mengjiang are criminal law, criminal procedure, criminal law enforcement. An attempt to give an explanation of the fact that neither the occupation forces of the Japanese army, nor the authorities of Mengjiang eventually did not manage to create a full-fledged legal system is taken. The law that was in the process of reception in relation to European and Japanese regulations and the criminal law is also described

Keywords

Inner Mongolia; Mengjiang;
Japanese occupation; the legal system;
criminal policy; criminal law;
Criminal Procedure Code

in the article. The nature of normative legal acts that were current after the Japanese invasion is explored. It is noted that the basic legal array of the new state was a replica of the Chinese law; the criminal and the law of criminal procedure were concerned. Particular attention is paid to the criminal proceedings and the updated Criminal Procedure Code that was adopted in 1940, it became the tool by which the occupation regime exercised control over the territory and its citizens, the rights and interests are constantly exposed to the threat of violation of the disloyal to the new government. The structure and content of the Code is revealed so its characteristics and distinctive features in relation to the Chinese counterpart. In general, the law was of a punitive nature, it contained a number judicial archaisms, it reasoned from the principle of the presumption of guilt and was canceled in 1945 after the liquidation of Mengjiang by forces of the USSR and Mongolia.

На современном этапе у отечественного правоведения возникает потребность в крупномасштабных исследованиях особенностей правовых систем ведущих стран мира, с которыми взаимодействует Россия. И прежде всего это касается Китая — нашего экономического и военного партнера, государства с многовековой историей дипломатических отношений, на приграничной территории которого в XX в. происходили бурные процессы государственностроительства.

Материалов, посвященных изучению и описанию процессов становления государственности у монгольских народов, достаточно, но работ, предметно изучающих право, правовую систему и в особенности уголовное и уголовно-процессуальное право Мэнцзяна и Внутренней Монголии, практически нет. Отдельную категорию источников составляют воспоминания участников тех событий. В частности, за рубежом на английском, японском, а позднее и на китайском языках изданы мемуары, автором которых является Сэцэн Захчид (Сэцэнбат, китайское имя — Юй Баохэн) [7; 12; 13]. К авторам, последовательно и предметно работающим с материалом по Мэнцзяну, относятся Цзин Хай [26], Ци Чжанмин [27], Дин Сяочжэ [16], Баоинь Чаокэт [15] и др. Важно отметить, что и тогда, и сейчас данной проблематикой занимались преимущественно либо университеты Внутренней Монголии, либо центральные учреждения Пекина, Тяньцзиня и некоторых других крупных научных центров.

Среди современных ученых следует выделить Сун Цунье, который, используя значительный объем архивного материала, статистических данных, приводя сведения, содержащиеся в монгольской и китайской прессе 1930–1940-х гг., подробно раскрывает вопросы права и правового регулирования

общественных отношений в Мэнцзяне, преимущественно в экономике и торговле [22–24].

Зарубежная литература о периоде Мэнцзяна выходит под грифом ведущих мировых учебных центров — Оксфорда, Кембриджа, токийских университетов, поскольку именно в Великобританию и Японию в свое время устремился поток эмигрантов из Внутренней Монголии. Хотя авторы большинства книг упоминают Мэнцзян только при описании событий на севере Китая или во Внутренней Монголии на фоне японской оккупации (Уильям Бизли [2], Паркс Кобл [5], Эдвин Мойз [8], Сара Кросби Мэллори Пэйн [11], Марк Элиот [6], Цинь Юянь [28] и др. [1; 3; 9]), тем не менее даже эти мизерные сведения позволяют дополнить имеющиеся данные.

Экономическую сторону монгольских событий в ходе общего исследования опиумного рынка в Китае изучают Тимоти Брук и Боб Тадаши Вакабаяши [4]. В их работе использован материал японских архивов, опубликованный в 1970–1980-х гг., контекстно освещается нормативная база оборота опиума на севере страны, созданная оккупационными силами.

Среди трудов монгольских авторов можно отметить работу Д. Зоригта «Дэ Ван» [18], в которой, однако, автор, используя значительный объем архивных данных, материалов СМИ, фотографий и др., не проводит глубокого анализа изучаемых событий, в связи с чем книга представляет биографический, но не политический и тем более геополитический интерес.

Вне зависимости от объема научного материала, который освещает события во Внутренней Монголии в первой половине XX в., комплексных работ собственно по Мэнцзяну, его правовой системе и ее отраслям до настоящего времени нет. Представленные труды имеют иной предмет изучения, фрагментарны и зача-

стую конъюнктурны, что говорит о необходимости более тщательного изучения этого вопроса.

С середины XIX в. китайское право начинает процесс рецепции по отношению к японскому и европейскому континентальному (преимущественно французскому, немецкому, бельгийскому, голландскому и швейцарскому) праву. Традиционные правовые институты и конструкции постепенно уступают место романо-германской системе права, которая преобразила отрасли и публичного, и частного права.

Действовавшая в Китае в этот период правовая система именовалась системой «шести законов» в силу приоритетности таких отраслей права, как конституционное, гражданское, гражданское процессуальное, уголовное, уголовно-процессуальное и административное право (включая административный процесс). К этому следует добавить, что имелась схожесть значительного массива правового материала Китая с правовой системой Японии того периода, где также доминировали шесть правовых отраслей, однако вместо административного ведущая роль была у коммерческого права, что нашло свое отражение в правовой системе Мэнцзяна¹, которая под воздействием японской стороны претерпела существенные изменения в этом направлении.

Таким образом, правовая система Китая в первой декаде XX в. находилась в стадии интенсивного развития и рецепции европейского и японского права, что играло на пользу стране.

Среди первых базовых нормативных правовых актов было Уголовное уложение 1912 г. С рядом серьезных изменений, связанных как с отказом от многих правовых институтов, характерных для цинского Китая, так и с их возвращением, Уголовное уложение 1912 г. в 1928 г. было преобразовано в Уголовный кодекс Китайской Республики, который пережил все перипетии политической борьбы и был отменен лишь с приходом к власти коммунистов. УК Китайской Республики отличался точностью и четкостью норм и дефиниций и характеризовался как один

¹ Мэнцзян — государствовподобное образование, созданное на землях нескольких аймаков Внутренней Монголии и провозгласившее в 1936 г. при поддержке японских оккупационных сил независимость. В качестве независимого государства признавалось Японией, Маньчжоу-Го и Китайской Республикой под управлением Ван Цзинвэя. Ликвидировано в августе 1945 г. войсками СССР и МНР.

из прогрессивных нормативных правовых актов того времени. С приходом к власти Гоминьдана² законодателями на вооружение было взято не только японское, но и европейское право, за которым последовали перевод и рецепция французских Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, которые, равно как и многие другие акты, не были восприняты однозначно позитивно. Помимо сложности в адаптации европейских и японских норм и институтов имелись и другие трудности, в частности фактическая раздробленность Китая, в отдельных провинциях которого местные правительства принимали собственное законодательство. Кроме того, провозгласившая независимость Китайская Советская Республика и оккупированные японцами северные территории также формировали собственную правовую базу и не попадали под юрисдикцию гоминьдановского законодательства.

Изучая право и правовую систему Китая времен японской оккупации, нельзя не упомянуть о современном отношении КНР к этому процессу, которое выражается в позиции «налайчжуи» и дословно означает «привнесенные (чуждые, навязанные) идеи в праве». Толчком к появлению такой позиции послужила статья Лу Синя, опубликованная в «Чайна Таймс» и «Чайна Дэйли Ньюз» с целью противостоять так называемой тотальной вестернизации и отрицанию культурной традиции Китая, в том числе и в праве [23]. И сегодня отношение к правовым системам оккупированных японцами территорий остается по-прежнему однозначно и безапелляционно негативным.

Одновременно с образованием монгольской автономии возник вопрос о правовом обеспечении регулирования общественных отношений во Внутренней Монголии. В связи с этим правотворческая работа велась быстро и эффективно. Зарубежные средства массовой информации уже в октябре 1933 г. сообщали о начале работы в этом направлении [14, р. 1], а в следующем месяце констатировали наличие основного законодательного материала [10, р. 13].

² Гоминьдан — политическая партия Китайской Республики, основанная первым президентом Китая Сунь Ятсеном. В 1928–1949 гг. фактически была правящей партией во главе с Чан Кайши. В период японской оккупации под контролем Гоминьдана находились центральный и южные районы Китая.

За весь период существования Мэнцзяна было принято 686 нормативных правовых актов с юридической силой закона [23]. 28 февраля 1939 г. Объединенный совет аймаков Внутренней Монголии публикует программный документ под названием «Временные меры по разработке и принятию законодательства», в котором говорится о том, что законодательство бывшей Китайской Республики будет действовать в части, не противоречащей монгольским общенациональным законодательным актам, и они при этом будут иметь равную юридическую силу.

После образования 1 сентября 1939 г. Объединенного автономного правительства Мэнцзяна был принят основной закон страны под названием «Временный Органический закон Объединенного автономного правительства Мэнцзяна», в котором значилось, что отныне законы Китайской Республики, не соответствующие духу и цели нового государства, не подлежат применению на его территории [19, с. 8]. В дальнейшем подобные тенденции коснулись таких отраслей, как гражданское, уголовное, гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное, административно-процессуальное право, а также некоторых других крупных институтов.

Анализ нормативной базы Мэнцзяна в отношении отраслей публичного права свидетельствует о том, что основной законодательный массив, равно как и большинство правовых конструкций, был точной копией китайского права.

Уголовное право содержало 36 документов, из которых семь были разработаны властями Мэнцзяна:

1. Правила о порядке наложения наказаний в случае неисполнения приказа или иного административного распоряжения.
2. О повторном рассмотрении (пересмотре) уголовного дела уездными органами на территории знамен.
3. Об экономических преступлениях.
4. Закон о помиловании.
5. О порядке применения закона о помиловании.
6. Положение об амнистии.
7. Положение о смягчении наказания.

Один закон был заимствован из системы законов времен правления династии Цин и касался правового положения иностранцев. Остальные

же 28 законов, касающиеся уголовного права и уголовного процесса, были заимствованы из законодательной базы республиканского Китая.

Уголовно-исполнительное право Мэнцзяна включало 27 законов, восемь из которых были приняты новым режимом:

1. Реестр лиц, содержащихся в тюрьмах; реестр лиц, освободившихся из тюрем; поименный список лиц, находящихся под наблюдением (надзором, в заключении); база данных характеристик освобождающихся лиц; реестр лиц, находящихся под стражей, в отношении которых нет решения суда.
2. Модельный реестр юридических квалификаций.
3. Виды тюремных работ.
4. Правила организации тюремных работ.
5. Правила организации питания в тюрьмах и других местах заключения.
6. Распорядок дня заключенных.
7. О поощрениях и порядке расчета заработной платы в отношении работников тюрем.
8. Регламент должностных обязанностей работников тюрем.

Остальные 19 нормативных правовых актов были заимствованы у Китайской Республики.

Отношения с участием военнослужащих регулировались двумя полностью заимствованными у Китайской Республики нормативными правовыми актами:

1. Уголовное право вооруженных сил.
2. Порядок осуществления правосудия в отношении военнослужащих.

Таким образом, уголовно-процессуальное право Мэнцзяна сохранило правовые традиции и конструкции Китайской Республики, в том числе профильное законодательство, дополнив и изменив его формально в целях модернизации уголовно-процессуальной системы. На самом же деле осуществленные преобразования имели целью закрепить японское влияние в регионе посредством правовых механизмов [16]. Однако китайские законы не в полной мере отвечали японским интересам, в связи с чем в 1940 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс Мэнцзяна. Он был разделен на девять разделов, каждый из которых состоял из глав, включающих в общей сложности 516 статей [21].

Раздел 1 содержал общие положения об уголовном процессе, основные понятия и принципы, раздел 2 включал правила ведения судебно-

го процесса в суде первой инстанции, категории уголовных дел и судебного процесса, общий ход ведения процесса, допрос участников процесса, порядок и последовательность процедур, включая порядок возбуждения уголовного дела, в том числе в порядке частного обвинения, меры уголовного преследования и порядок их применения. Таким образом, первые шесть глав играли установочную роль и содержали в основном нормы общего характера.

Вопросы о сроках и продолжительности процессуальных действий включала в себя глава VII УПК Мэнцзяна. Глава VIII предусматривала порядок вызова обвиняемого в суд, условия его принудительного привода и т.д. Глава IX была направлена на регулирование мер поддержания общественного порядка, а также правил ведения допроса обвиняемого. В главе X предусматривались условия и меры содержания под стражей, в главе XI регламентировался порядок розыска, преследования и ареста преступника, а глава XII включала нормы, которые регламентировали процедуру досудебного разбирательства, исследование материалов дел, а также порядок ведения процесса. Порядок работы с доказательственной базой регулировали две главы: глава XIII устанавливала порядок изучения улик и доказательств, включая свидетельские показания, а глава XIV предусматривала порядок проведения экспертизы и привлечения к процессу переводчика, включая требования к его квалификации, порядку подбора, правам и обязанностям в процессе. Глава XV определяла порядок вынесения судебного решения.

Раздел 3 предусматривал процедуру апелляционного производства, включая правовое положение сторон, основания для пересмотра решений нижестоящей инстанции, а также основные принципы и положения уголовного судопроизводства. Устанавливался порядок и основания для отвода судьи, секретаря, переводчика, прокурора, а также порядок обжалования решений суда низшей инстанции.

Раздел 4 раскрывал правовое положение адвоката и представителя в судебном процессе.

Раздел 5 предусматривал порядок повторного слушания в случае, если при вынесении приговора был нарушен действующий процессуальный порядок.

Раздел 6 устанавливал порядок так называемой чрезвычайной апелляции, когда уполномо-

ченный государственный орган обнаруживал, что после вступления в силу решения суда по делу имеются новые материалы, не учтенные при вынесении решения, и высшими органами прокуратуры в адрес вышестоящей судебной инстанции по основаниям нарушения судебной процедуры подавалась жалоба.

Раздел 7 включал ряд специальных процедур. Так, по уголовным делам в отношении судов первой инстанции предусматривалась упрощенная процедура судопроизводства в тех случаях, когда вопрос касался очевидного преступления или преступления, незначительного по своей сути и предусматривающего относительно мягкое наказание. В эту же категорию случаев попадали и дела, инициируемые по заявлению прокурора. Также раздел включал порядок принятия заочного судебного решения, когда обвиняемый скрылся или его место пребывания неизвестно, но дело имеет общественно важное значение, в связи с чем требуется вынесение судебного решения.

Раздел 8 определял обеспечительные меры, а также порядок исполнения судебного решения.

Раздел 9 устанавливал правовую основу для гражданского иска в уголовном процессе и меры компенсации случайным жертвам преступления.

Схожесть текстов монгольского и китайского УПК касалась процедурных и содержательных вопросов, например ст. 238 и того, и другого текстов включала норму в отношении лица, содержащегося под стражей [20, с. 1179–1180].

УПК Мэнцзяна формально представлял собой новый нормативный правовой акт, но многие его положения были заимствованием китайских норм: 374 статьи монгольского закона копировали положения закона китайского, при этом в него было внесено 144 поправки, одна из которых затрагивала изменения в структуре документа, а остальные 143 касались изменения содержания текста [22]. Но по-прежнему между двумя нормативными актами оставалось много общего [25, с. 293].

Вместе с тем отдельные положения китайского законодательства, обеспечивающие соблюдение прав и свобод гражданина, из монгольского законодательства исключались. Например, ст. 432 УПК Китайской Республики устанавливала, что при пересмотре обвини-

тельного приговора в порядке апелляции новый приговор, при его постановлении, не мог ухудшать положение осужденного [25, с. 298]. Однако УПК Мэнцзяна эту норму изъял, сохранив лишь текущую нумерацию статей [20, с. 1154].

Поскольку заимствованные из китайского законодательства нормативные акты в отдельных положениях не отвечали японским интересам, они существенно преобразовывались. Один из способов преобразования предполагал замену одной формулировки другой. Так, ст. 5 касалась вопроса судебной юрисдикции и предусматривала, что за пределами территории Китайской Республики судебная юрисдикция охватывала воздушные суда и морские китайские суда вне зависимости от места их нахождения [25, с. 279], а монгольский закон предусматривал юрисдикционную силу лишь после их посадки или постановки на якорь [20, с. 1138].

Уголовно-процессуальное законодательство Мэнцзяна, тем не менее, имело достаточно много положений, касающихся прав и свобод человека и их соблюдения при осуществлении следственных и судебных процедур. Для защиты прав участников судебного разбирательства и монгольским, и китайским УПК предусматривалась возможность права на защиту, в том числе и с участием адвоката. УПК Мэнцзяна установил, что после того как лицо приобрело статус обвиняемого, оно может претендовать на наличие адвоката, которого определяет председательствующий судья.

УПК предусматривал ряд гарантий. В частности, лицо не подлежало освобождению от обязанностей адвоката до окончания судебного разбирательства, обыск женщины должен был осуществляться только сотрудниками женского пола, обыск и выемку улик запрещалось производить в ночное время [20, с. 1162], также существовала норма, позволявшая не свидетельствовать против своего супруга, родителей, детей и некоторых других родственников.

Статья 200 УПК устанавливала, что, если иное не установлено законом, стороны дают показания в суде в устной форме [20, с. 1172], в целом же законодательство устанавливало равный процессуальный статус сторон.

Вместе с тем содержание ряда норм УПК позволяет сделать вывод о карательном характере разбирательства и наличии в нем феодальных пережитков [15]. Так, лицо считалось полностью

оправданным только после вынесения оправдательного приговора, из чего следует наличие презумпции вины обвиняемого. Статья 313 запрещала подачу частной жалобы в отношении близкого родственника.

В соответствии с УПК Мэнцзяна следственные действия осуществлял прокурор, чье положение было главенствующим в ходе расследования, а также корпус судебных приставов, включая приставов в хошунах и уездах.

Для разбирательства в отношении гражданских служащих в границах подведомственной территории на основании ст. 208–210 УПК прокурор или судебный пристав могли использовать статус и полномочия органов государственной власти, формируя следственные группы на общегосударственном, аймачном, хошунном и других уровнях [20, с. 1277]. Уголовное дело возбуждалось по инициативе прокурора, для некоторых категорий дел требовалось решение судебных органов. К полномочиям суда также относилось выявление фактов и обстоятельств по делу, допрос сторон, установление тяжести вины и вынесение решения.

Заочное решение ставило своей целью лишить обвиняемого права защищать себя перед судом и одновременно лишало его права на обжалование. Статья 362 УПК Китайской Республики предусматривала право на апелляцию, при этом не допускала принятие более строгого решения [25, с. 295]. УПК Мэнцзяна эту норму не сохранил, позволив гражданам обращаться в апелляционную инстанцию, допуская при изменении решения применение более строгого наказания, что предполагало в качестве цели снижение количества обращений из-за страха усиления наказания.

УПК Китайской Республики в ст. 108 устанавливал сроки содержания под стражей при проведении расследования по делу, а также сроки окончания разбирательства и передачи дела в суд [25, с. 284]. Статья 459 монгольского УПК позволяла продлевать срок нахождения под стражей фактически неограниченное количество раз.

Таким образом, незначительный объем правового материала в законодательном массиве Мэнцзяна был собственным, примерно на 75 % это были документы, заимствованные у Китайской Республики. Причины этого кроются в следующем. В Китае с 1901 г. была осуществлена крупномасштабная реформа действующей

щего законодательства, многие нормативные правовые акты были полностью обновлены. Несмотря на падение династии, республиканский Китай не стал пренебрегать имеющимся законодательством, а продолжил его дополнять и совершенствовать. Учитывался и международный опыт: УК Китайской Республики 1935 г. и следующий за ним УПК соответствовали международному уровню и восприняли главные теоретические и практические достижения юридической науки. В то же время Мэнцзян, период полноценного существования которого не насчитывал и десяти лет, не мог конкурировать в этом аспекте со «старшим братом». Тем более правовые конструкции и механизмы во многом были универсальными, поэтому придумать, изобрести что-то новое, более совершенное и кардинально отличающееся от имеющегося было крайне затруднительно. Ситуация усугублялась тем, что Мэнцзян на протяжении всей своей истории вел постоянные военные действия с соседями, в связи с чем крупномасштабные законодательные преобразования были невозможны.

Китай, помимо французской модели правового регулирования, также использовал японскую, и поэтому система «шести законов» была схожей с японской. Вторгнувшимся силам для налаживания процесса управления захваченными территориями было крайне удобно то, что японские оккупационные силы не позволяли правовой системе на оккупированных территориях развиваться самостоятельно, тем более правовой системе Мэнцзяна. Сам же Мэнцзян также не получил окончательной независимости, на что рассчитывали монгольские князья, рассматривая японцев в качестве союзников. А после прихода к власти Ван Цзинвэя иллюзия самостоятельности улетучилась окончательно, хотя использование правовых регуляторов Китая, прежде всего в гражданской, уголовной и иных сферах, говорило об определенной преэминентности монгольской государственности, что было не совсем удобно Японии.

Основной целью законодательства при японском господстве было не урегулирование отношений между лицами, а обеспечение поступления экономических и финансовых ресурсов региона японской стороне. Исходя из этого нормативным правовым актам уголовного блока отводилась ключевая роль в обеспечении неукоснительного исполнения воли оккупаци-

онных сил и строгом наказании в случае нарушения соответствующих предписаний, с чем и УК, и УПК Мэнцзяна успешно справились: люди жили в страхе, пытались сохранить свою жизнь любой ценой, не воспринимая государство как защитника своих прав и интересов.

В связи с этим была организована система доносительства, которую японские оккупанты активно использовали в своих интересах. 9 февраля 1940 г. министерство юстиции Мэнцзяна выпустило инструкцию № 2 «О порядке ведения расследований по делу о поступившем доносе» (далее — инструкция), ст. 1 которой гласила: «В случае совершения правонарушения кем-либо из должностных лиц, если это стало известно другим должностным лицам, они обязаны сообщить об этом вышестоящему лицу или прокурору, который начинает проверку и проводит следствие». В соответствии со ст. 2 инструкции: «Расследование начинается в отношении любого должностного лица или служащего вне зависимости от его статуса и ранга». Статья также предусматривала информирование министра юстиции о факте совершения преступления для принятия им соответствующего решения о возбуждении уголовного дела.

Статья 3 инструкции предусматривала: «В случае если должностное лицо занимает важный государственный пост, то его заключение под стражу осуществляется по представлению вышестоящего прокурора и по решению вышестоящего суда с разрешения министра юстиции». Данная норма предусматривала, что вопрос о привлечении любого должностного лица к уголовной ответственности решался с представления прокурора судом под руководством министра юстиции [20, с. 89–90]. Таким образом, вопрос о привлечении к уголовной ответственности и о преследовании тех или иных лиц, подозреваемых в совершении преступлений, положительно разрешался лишь в том случае, если на то было согласие прокурора и министра юстиции, что ставило этих людей в более выгодные, привилегированные условия по сравнению с другими гражданами. Более того, в отношении людей, принадлежащих к разным социальным группам (классам), действовали различные меры ответственности и разные виды наказаний.

Подводя итог анализа нормативных правовых актов уголовного блока правовой системы

Мэнцзяна, нужно отметить, что Гоминьдан не только пытался реализовать главную цель любой правовой системы — сделать правовые нормы максимально эффективными в вопросе регулирования общественных отношений. Чан Кайши понимал, что европейское право более прогрессивно и посредством адаптации его норм отстающий Китай имеет больше шансов для полноценного участия в международных отношениях в качестве равной среди прочих державы. Японское вторжение помешало этим планам. Оккупационные силы не были заинтересованы в развитии права, для них оно было лишь инструментом для поддержания собственного влияния, которым они умело пользовались. Отраслевое законодательство Мэнцзяна имело ряд особенностей. Во-первых, в основной своей части оно было заимствовано из китайского законодательства; во-вторых, оно практически

полностью дублировало нормы частно-правовых отраслей Китайской Республики; в-третьих, в отношении публично-правовых отраслей нормотворческие органы проявляли определенную самостоятельность, но публично-правовые сферы общественной жизни регулировались точечно и фрагментарно.

После поражения Японии во Второй мировой войне действующее законодательство оккупированных территорий было отменено, а в феврале 1949 г. с приходом к власти коммунистов на большей части страны Центральный комитет Коммунистической партии Китая издал постановление об отмене и системы «шести законов». Начинается новый этап развития китайского права вообще и уголовного и уголовно-процессуального законодательства в частности в рамках социалистической правовой семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Atwood Chr. Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information / Chr. Atwood // *Twentieth-Century China*. — 2000. — Apr. — P. 75–113.
2. Beasley W.G. Japanese imperialism 1894–1945 / W.G. Beasley. — Oxford : Oxford Univ. Press, 1987. — 279 p.
3. Black C.E. The Modernization of Inner Asia / C.E. Black, L. Dupree, E.E. West, E. Naby. — Armonk, N.Y. : M.E. Sharpe, 1991. — 407 p.
4. Brook T. Regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952 / Timothy Brook, Bob Tadashi Wakabayashi. — Oakland : Univ. of California Press Publ., 2000. — 449 p.
5. Coble P.M. Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937 / Parks M. Coble. — Cambridge, MA ; L. : Harvard Univ. Press, 1991. — 475 p.
6. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies / Mark C. Elliott // *The Journal of Asian Studies*. — 2000. — Vol. 59, № 3. — P. 603–646.
7. Hyer P. A Mongolian living Buddha: biography of the Kanjurwa Khutughtu / P. Hyer, Sechin Jagchid. — Albany, N.Y. : SUNY Press, 1983. — 204 p.
8. Moise E.E. Modern China: A History / Edwin E. Moise. — L. ; N.Y. : Longman, 1986. — 256 p.
9. Narangoa L. Imperial Japan and national identities in Asia, 1895–1945 / L. Narangoa, R.B. Cribb. — L. ; N.Y. : Routledge, 2003. — 375 p.
10. Negotiations aid Mongol Autonomy // *The New York Times*. — 1933. — 6 Nov.
11. Paine S.C.M. The Wars for Asia, 1911–1949 / S.C.M. Paine. — N.Y. : Cambridge Univ. Press, 2012. — 498 p.
12. Sechin Jagchid. Prince Gungasangnorbu: Forerunner of Inner Mongolian Modernization / Sechin Jagchid. — Wiesbaden : Zentralasiatische Studien, 1979. — 147–158 p.
13. Sechin Jagchid. The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902–1966 / Sechin Jagchid. — Bellingham ; Washington : Center for East Asian Studies : Western Washington Univ., 1999. — 479 p.
14. Self-rule sought by Inner Mongolia // *The New York Times*. — 1933. — 16 Oct.
15. Баоинь Чаокэт. Политика контроля псевдорегима Мэнцзяна в отношении ресурсов: исследование государственной политики в области животноводства / Баоинь Чаокэт // *Журнал Университета Внутренней Монголии (гуманитарные и социальные науки)*. — 2001. — № 5. — P. 123–126 (宝音朝克图.伪蒙疆政权的物资统制政策: - 家畜统制政策的研究. 内蒙古大学学报 (人文社会科学版), 2001. № 5).
16. Дин Сяочжэ. Избранные материалы об истории открытия общественных школ и Обществе японской дружбы / Дин Сяочжэ ; Ин-т истории и культуры Ун-та Внутрен. Монголии, г. Хух-Хото // *Журнал Университета Внутренней Монголии (гуманитарные и социальные науки)*. — 2007. — № 5. — P. 35–39 (丁晓杰. 日本善邻协会兴亚义塾始末述论. 内蒙古师范大学历史文化学院, 内蒙古, 呼和浩特, 内蒙古大学学报 (人文社会科学版), 2007. № 5).
17. Дин Сяочжэ. Так называемый «отец-основатель» Мэнцзяна: псевдорегим Мэнцзяна и глава корпуса японских советников Каниа Акирацуги / Дин Сяочжэ // *Журнал социальных исследований*. — 2011. — Март. — P. 75–83 (丁晓傑, 所謂《蒙疆肇建之父》- 偽蒙疆政權日本最高顧問金井章次, 社會科學研究 2011 年第3期).
18. Зоригт Доржийн. Дэ Ван / Зоригт Доржийн. — Улаанбатаар : Адмон, 2011. — 409 p.
19. Обзор собрания монгольского законодательства : сб. док. Упр. по делам аймаков Автоном. Монгол. Объед. Правительства / Упр. науки Мэнцзяна. — Чжанцзяоу, 1940. — Т. 1 : Положения основных законов (蒙古联合自治政府总务部编纂. 蒙古法令辑览:第一卷 (基本法篇). 张家口: 蒙疆行政学会发行, 1940).

20. Обзор собрания монгольского законодательства : сб. док. Упр. по делам аймаков Автоном. Монгол. Объед. Правительства / Упр. науки Мэнцзяна. — Чжанцзяоу, 1941. — Т. 2 (蒙古联合自治政府总务部编纂. 蒙古法令辑览. 第二卷. 蒙疆行政学会发行, 1941).

21. Рэн Цийй. Антисоциалистическая деятельность режима и ее культурные аспекты в Мэнцзяне / Рэн Цийй ; Гуманитар. ин-т Ун-та Внутрен. Монголии, г. Хух-Хото // Журнал Университета Внутренней Монголии (гуманитарные и социальные науки). — 2008. — № 1. — Р. 45–51 (任其译. 蒙疆政权在文化方面的反共活动. 内蒙古大学人文学院, 内蒙古, 呼和浩特, 内蒙古大学学报 (哲学社会科学版). 2008. № 1).

22. Сун Цунье. Предварительные исследования уголовно-процессуального законодательства псевдорегима в Мэнцзяне / Сун Цунье ; Ин-т монголоведения Ун-та Внутрен. Монголии, г. Хух-Хото // Журнал Университета Внутренней Монголии (гуманитарные и социальные науки). — 2010. — № 2. — Р. 67–74 (宋从越. 伪蒙疆政权刑事诉讼法初探. 内蒙古大学蒙古学学院, 内蒙古呼和浩特, 内蒙古大学学报 (哲学社会科学版), 2010年2月).

23. Сун Цунье. Характеристика правовой системы псевдорегима в Мэнцзяне / Сун Цунье ; Фак. политики и права Пед. ун-та Баотоу // Иньшан : акад. журн. (Социальные науки). 2010. — № 23 (5) — Р. 78–84 (宋从越, 伪蒙疆政权立法的特点, 包头师范学院, 政治与法律学院, 内蒙古, 包头, 阴山学刊 (社会科学版), 2010年05期23 (5)).

24. Сун Цунье. Японская политика в Мэнцзяне по управлению торговлей / Сун Цунье // Исторический сборник. — 2008. — № 3. — Р. 27–33 (宋从越. 《日本在伪蒙疆政权时期实行的贸易统制政策》, 载《史林》2008年第3期).

25. Цай Хунюань. Интеграция республиканского законодательства. Ч. 65 / Цай Хунюань. — Хэфэй : Хуаньшан, 1999. — 100 р. (蔡鸿源. 民国法规集成: 第65册. 合肥: 黄山书社, 1999).

26. Цзин Хай. Политическая власть в Мэнцзяне : собр. коммент. к новой истории Внутрен. Монголии / Цзин Хай. — Хух-Хото : Народ. изд-во Внутрен. Монголии, 1986. — 136 р. (金海, 白拉都格其. 蒙疆政权. 内蒙古近代史译丛 第一辑). 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1986).

27. Ци Чжанмин. Участие японских вооруженных сил в создании Мэнцзяна / Ци Чжанмин // Научные исследования сопротивления японским захватчикам. — Пекин, 2002. — 245 р. (祁建民, 日本陆军与《蒙疆联合委员会》, 抗日战争研究2002年2期).

28. Цинь Юянь. Основополагающие документы о конфликтах с участием японских сухопутных и военно-морских сил / Цинь Юянь. — 2-е изд. — Токио : Издат. объедин. высш. учеб. заведений, 2005. — 392 р. (秦郁彦编《日本陸海軍總合事典》第2版、東京大學出版會、2005年).

REFERENCES

1. Atwood Chr. Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information. *Twentieth-Century China*, 2000, Apr., pp. 75–113.
2. Beasley W.G. *Japanese imperialism 1894–1945*. Oxford, Oxford University Press, 1987. 279 p.
3. Black C.E., Dupree L., West E.E., Naby E. *The Modernization of Inner Asia*. Armonk, New York, M.E. Sharpe, 1991. 407 p.
4. Brook T., Wakabayashi B.T. *Regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952*. Oakland, University of California Press Publ., 2000. 449 p.
5. Coble P.M. *Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937*. Cambridge, Massachusetts, London, Harvard University Press, 1991. 475 p.
6. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies. *The Journal of Asian Studies*, 2000, vol. 59, no. 3, pp. 603–646.
7. Hyer P., Jagchid S. *A Mongolian living Buddha: biography of the Kanjurwa Khutughtu*. Albany, New York, SUNY Press, 1983. 204 p.
8. Moise E.E. *Modern China: A History*. London, New York, Longman, 1986. 256 p.
9. Narangoa L., Cribb R.B. *Imperial Japan and national identities in Asia, 1895–1945*. London, New York, Routledge, 2003. 375 p.
10. Negotiations aid Mongol Autonomy. *The New York Times*, 1933, 6 Nov.
11. Paine S.C.M. *The Wars for Asia, 1911–1949*. New York, Cambridge University Press, 2012. 498 p.
12. Sechin Jagchid. *Prince Gungasangnorbu: Forerunner of Inner Mongolian Modernization*. Wiesbaden, Zentralasiatische Studien, 1979, pp. 147–158.
13. Sechin Jagchid. *The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchudongrob, 1902–1966*. Bellingham, Washington, Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1999. 479 p.
14. Self-rule sought by Inner Mongolia. *The New York Times*, 1933, 16 Oct.
15. Baoin' Chaoket. Resources control policy of Mengjiang pseudo-regime: research of state policy on animal industry. *Zhurnal Universiteta Vnutrennei Mongolii (gumanitarnye i sotsial'nye nauki) = Journal of Inner Mongolian University (human and social sciences)*, 2001, no. 5, pp. 123–126. (In Chinese).
16. Din Syaochzhe. Selected materials on public schools history and Japanese friendship society. *Zhurnal Universiteta Vnutrennei Mongolii (gumanitarnye i sotsial'nye nauki) = Journal of Mongolia Inner Mongolian University (human and social sciences)*, 2007, no. 5, pp. 35–39. (In Chinese).
17. Din Syaochzhe. So-called «Founding Father» of Mengjiang: Mengjiang pseudo-regime and head of Japanese Councillors corps — Kaina Akiratsugi. *Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy = Social research journal*, 2011, March, pp. 75–83. (In Chinese).
18. Zorigt Dorzhiin. *De Van [De Wang]*. Ulaanbataar, Admon Publ., 2011. 409 p.
19. *Obzor sobraniya mongol'skogo zakonodatel'stva. Sbornik dokumentov Upravleniya po delam aimakov Avtonomnogo Mongol'skogo Ob'edennogo Pravitel'stva [Mongolian legislation review. Files of State board of aimaks of Autonomous Mongolian United Government]*. Chzhantszyakou, 1940. Vol. 1.

20. *Obzor sobraniya mongol'skogo zakonodatel'stva. Sbornik dokumentov Upravleniya po delam aimakov Avtonomnogo Mongol'skogo Ob'edennogo Pravitel'stva* [Mongolian legislation review. Files of State board of aimaks of Autonomous Mongolian United Government]. Chzhantszyakou, 1941. Vol. 2.

21. Ren Tsiii. Anti-communist activity of the regime and its cultural aspects in Mengjiang. *Zhurnal Universiteta Vnutrennei Mongolii (gumanitarnye i sotsial'nye nauki) = Journal of Inner Mongolian University (human and social sciences)*, 2008, no. 1, pp. 45–51. (In Chinese).

22. Sun Tsun'e. Primary research of criminal procedural legislation of Megjiang pseudo-regime. *Zhurnal Universiteta Vnutrennei Mongolii (gumanitarnye i sotsial'nye nauki) = Journal of Inner Mongolian University (human and social sciences)*, 2010, no. 2, pp. 67–74. (In Chinese).

23. Sun Tsun'e. Megjiang pseudo-regime legal system characteristics. *In'shan : akademicheskii zhurnal (Sotsial'nye nauki) = Yinshang : academic journal (Social sciences)*, 2010, no. 23 (5), pp. 78–84. (In Chinese).

24. Sun Tsun'e. Japanese policy in Mengjiang on trade control. *Istoricheskii sbornik = Historical files*, 2008, no. 3, pp. 27–33. (In Chinese).

25. Tsai Khunyuanyan'. *Integratsiya respublikanskogo zakonodatel'stva* [integration of republican legislation]. Pt. 65. Khefei, Khuan'shan Publ., 1999. 100 p.

26. Tszin Khai. *Politicheskaya vlast' v Mentszyane. Sobranie kommentariiev k novoi istorii Vnutrennei Mongolii* [Political authority in Mengjiang. Inner Mongolia new history reviews collection]. Khukh-Khoto, Inner Mongolia National Publ., 1986. 136 p.

27. Tsi Chzhanmin. Japanese armed forces' part in development of Mengjiang. *Nauchnye issledovaniya soprotivleniya yaponskim zakhvatchikam* [Scientific research of counteraction to Japanese invasion]. Pekin, 2002. 245 p.

28. Tsin' Yuyan'. *Osnovopolagayushchie dokumenty o konfliktakh s uchastiem yaponskikh sukhoputnykh i voenno-morskikh sil* [Fundamental documents on conflicts involving Japanese ground and naval forces]. 2nd ed. Tokio, Higher education United Publ., 2005. 392 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дудин Павел Николаевич — доцент кафедры международного права и международных отношений Бурятского государственного университета, кандидат политических наук, доцент, г. Улан-Удэ, Российская Федерация; e-mail: dudin2pavel@gmail.com.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dudin, Pavel N. — Associate Professor of International Law and International Relations Department a Faculty of Law of Buryat State University, PhD in Political, Associate Professor, Ulan-Ude, Russian Federation; e-mail: dudin2pavel@gmail.com.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дудин П.Н. Уголовная политика, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Мэнцзяна / П.Н. Дудин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. 394–403. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).394-403.

REFERENCE TO ARTICLE

Dudin P.N. Criminal policy, criminal and criminal procedural legislation of Mengjiang. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 2, pp. 394–403. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).394-403. (In Russian).